

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

В. А. Кучкин

ДОГОВОР 1372 г. ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА С ВЛАДИМИРОМ АНДРЕЕВИЧЕМ СЕРПУХОВСКИМ*

Выяснив время заключения второго договора великого князя Дмитрия Ивановича со своим двоюродным братом Владимиром Серпуховским и политическую обстановку, в какой договор был подписан, можно перейти к анализу его содержания.

Поскольку от договора сохранилось 39 неполных строк текста, собственно говоря, их окончаний, анализ сохранившейся части соглашения приходится вести не по статьям, что обычно при хорошей сохранности источника, а по строкам, хотя строки могут содержать фрагмент одной договорной статьи или окончание одной статьи и начало другой, и в том, и в другом случае ломая логику изложения документа и крайне затрудняя понимание написанного. Для установления смысла договоренностей, достигнутых в свое время великим и удельным князьями, необходимо сравнение уцелевших отрывков их второго договора с другими договорными и духовными грамотами московских князей, и прежде всего с первым и третьим договорами самих Дмитрия и Владимира.

Текст, сохранившийся в строке 1 соглашения («своимъ братом с молотшимъ со княз(е)мъ с Володимером съ Андрѣ»), показывает, что второй договор между московскими династиями начинался так же, как их первый и третий договоры, — с протокола (начального протокола). В первом договоре, датированном 1364–1365 г., начальный протокол имел следующий вид: «По бл(а)г(осло)в(е)нью о(т)ца нашего Олексѣя, митрополита всеа Рус(и), се гдз, князь великий Дмитрии Иванович докончали ксмы з братомъ своимъ с молотшимъ, со княземъ с Володимеромъ Андрѣвичемъ. Целовали ксмы кр(е)сть оу о(т)ца своего оу Олексѣя, оу митрополи[та] всеа Рус(и)»¹. Похожим было и начало третьего договора от 25 марта 1389 г.: «По бл(а)г(осло)в(е)нью о(т)ца нашего Пимина, митрополита всеа Рус(и), се гдз, кн(а)зь великий Дмитрии Иванович пригаль есмь в любовь брата своего младшего и своего с(ы)на, князя Володимера Андрѣвич(а), и докончали есмы и целовали есмы кр(е)сть оу своего о(т)ца оу митрополит(а)»². Если судить по началу первого договора, во втором соглашении до слов «своимъ братомъ» утрачен текст размером в 86 букв, учитывая написание некоторых слов под титлом и наличие выносных букв. В сохранившихся строках второго договора умещается в среднем от 38 до 42 букв. Это означает, что слева утрачено примерно две трети бумажного листа, на котором был написан текст грамоты. Что касается окончания грамоты, то определить объем утраты не представляется возможным.

* Первую часть статьи см.: № 1 (27). С. 60–77.

¹ ДДГ. № 5. С. 19.

² Там же. № 11. С. 30.

Судя по уцелевшим словам в первой строке рассматриваемого договора, он был составлен от имени великого князя Дмитрия Ивановича и адресовался Владимиру Андреевичу. Сохранившиеся слова — это почти полная *inscriptio* соглашения. В *dispositio* договора осталась часть фразы: «...му молотшему, княз(ю) Володимеру, коли ми будет в~~з~~» (строка 27), которая свидетельствует, что договор помимо начального протокола содержал и статьи, составленные от лица великого князя.

Однако подавляющее большинство чтений, несмотря на очень плохую сохранность источника, свидетельствует о том, что статьи докончания были составлены от имени князя Владимира Андреевича. В самом деле, такие обороты или элементы договорных статей, как: «тоб(е), брата своег(о) старѣшег(о) княз~~а~~ великог(о), соб(ѣ) отцемъ» (строка 2), «вотчины м(и), г(о)с(поди)не, твоее и великог(о) кня~~а~~» (строка 3), «так(о) же и тоб(ѣ), княз(ю) великому» (строка 5), «...г(о)с(поди)не, дал въ оудѣль Галичь, Дмитровъ с волостьми и съ с...» (строка 6), «а блюсти ти, г(о)с(поди)не, вотч(и)ны моее и московское» (строка 8), «а отъ мен(е) мои оудѣль, чѣмъ м~~а~~ еси, г(о)с(поди)не, по» (строка 11), «найдемъ тоб(ѣ), княз(ю) великому, великое» (строка 15), «...зю великом(у), брату моему старѣшему» (строка 16), «данщиковъ ти, г(о)с(поди)не, своих в та мѣста не слати» (строка 18), «а в численных люд(е)хъ, тоб(ѣ), княз(ю) вели...» (строка 19), «а коли, г(о)с(поди)не, имемъ слати данщици» (строка 22), «тоб(ѣ), княз(ю) великому, два жеребыа» (строка 23), «...ти, г(о)с(поди)не, будетъ вз~~а~~ти дань на своей вотч(и)нѣ и на вел[ико]м [к]н~~а~~женъи» (строка 25), «вз~~а~~ти, г(о)с(поди)не, на них дань» (строка 26), «...а въ вотч(и)ну ти, г(о)с(поди)не, в мою и в вудѣль данщиковъ ти своих» (строка 29), «и мнѣ, брату твоему молодшему, въ вотч(и)ну въ твою и въ» (строка 31), «а тоб(ѣ), княз(ю) великому, держа...» (строка 33), «а тоб(ѣ), князю великому, и тво...» (строка 34), «мнѣ, брату твоему молодшему» (строка 35), «ми тоб(ѣ), брату своему старѣшему, княз(ю) великому» (строка 36), «а ци б(ог)ъ розмыслить о с(ы)ну о твоём, о братѣ» (строка 37), «...ис твоих болшии, того ми держати братом старѣшим и служи...» (строка 38), «мнѣ, брату моему молодшему, печаловатис(а) тв» (строка 39), указывают на то, что текст соглашения был составлен в основном от лица серпуховского князя³. Эта особенность помогает понять смысл тех отрывков, в которых называются только «мои» или «твои» дети или бояре. Очевидно, что «мои» — это князя Владимира Андреевича, а «твои» — великого князя Дмитрия Ивановича.

Достигнутым договоренностям стороны придавали исключительное значение. В строке 3 сохранилось важное условие соглашения: «жити ны по сеи грамотѣ». Новизна и значимость данного положения ясно определяются при его сопоставлении со статьей 3 предшествовавшего договора 1364–1365 г. между теми же князьями: «А жити ны по тому, какъ то о(т)ци наши жили съ братомъ своимъ с старѣшимъ, з дадею нашимъ, со княземъ с великимъ съ Се[ме]номъ»⁴, и статьей 3 договора 1389 г. тех же контрагентов: «А жити ны по тому, какъ жили о(т)ци наши съ своимъ братомъ съ старѣшим, а с нашимъ дадею, со князем великимъ Семеномъ»⁵. Очевидно, что до второго соглашения Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем и после него действовали иные нормы их сосуществования, опиравшиеся на принципы, выработанные в свое время еще их отцами Иваном и Андреем во взаимоотношениях со старшим братом — великим князем Симеоном. Речь, скорее всего, шла о нормах, отраженных в договоре 1348 г. всех трех сыновей Ивана Калиты: политическом единстве во внутренней жизни при признании большей власти старшего брата — великого князя, единстве во внешнеполитических делах, делении между братьями московских налогов и различных отраслей княжеского хозяйства, с уступкой великому князю «на старѣшинство» большей части некоторых налогов, а также сокольничего, конюшого и ловчего путей, садовников и бортников, порядке использования станов и перевар на территории Московского княжества при княжеских передвижениях по этой территории и необходимых остановках и т. д.

³ Это, как говорилось выше, подметил еще Н. М. Карамзин.

⁴ ДДГ. № 5. С. 19.

⁵ Там же. № 11. С. 31.

Очевидно, что второй договор Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича порывал с традициями, по меньшей мере в определенных отношениях, и создавал новые нормы, по которым и обязывались «жити» в дальнейшем заключившие докончание князья.

Выявить все новации этого докончания нельзя из-за большой дефектности текста. Тем не менее по остаткам сохранившихся фраз можно попытаться раскрыть его содержание более полно и конкретно, чем это делалось до сих пор.

О начальной части договора речь шла выше. Уцелевшая в строке 1 почти вся *inscriptio* соглашения свидетельствует о том, что существовала и предшествовавшая ей *intitulatio*. Упоминание на обороте грамоты имени митрополита Алексея указывает на то, что второй договор между великим князем Дмитрием и его двоюродным братом был составлен, как и первый, по благословию митрополита, что и должно было быть вписано в начало грамоты.

Текст строки 2 («...тоб(е), брата своез(о) старѣишез(о) кнѧзѧ великоз(о), соб(ѣ) отцемъ, а с(ы)на [т]воез(о)») говорит о субординации заключивших соглашение князей. В договорах Дмитрия с Владимиром 1364–1365 г. и 1389 г. статья о субординации была второй⁶. Первой была статья, провозглашавшая единство договаривавшихся князей: «Бѣги ны заодинъ»⁷. Есть все основания полагать, что такая же статья была и во втором договоре двоюродных братьев. Что касается статьи о княжеской субординации этого договора, то она вносила явные изменения по сравнению с прежним соглашением 1364–1365 г. Там великий князь Дмитрий был назван «старейшим братом» князя Владимира, который к тому же должен был признавать его «во о(т)цѧ мѣсто»⁸. В договоре 1372 г. Дмитрий считался уже «отцом» «брата младшего» Владимира, а сын Дмитрия, как теперь выясняется, Василий — «братом старейшим» серпуховского князя. Совершенно очевидно, что договор понижал статус удельного князя и не только соответственно повышал статус князя великого, но и давал статусное преимущество его сыну-преемнику. Великий князь явно заботился и о своем высоком престиже, и о сохранении первенствующего положения в московском княжеском доме за собой и своей семьей.

В строке 3 первая фраза («жити ны по сеи грамотѣ») содержит вполне законченную мысль. Это заставляет думать, что фраза сохранилась без каких-либо утрат. Но в договорах 1364–1365 г. и 1389 г. соответствующие статьи 3, как было показано выше, начинались с оборота «А жити ны». Поэтому вполне вероятно, что и в рассматриваемом договоре фраза начиналась с союза «а». О смысле данного положения, иного, чем в других соглашениях Дмитрия с Владимиром, говорилось ранее⁹. Явно деформированная вторая фраза строки 3 принадлежит уже иной договорной статье. Слова «вотчины м(и), г(о)с(поди)не, твоее и великоз(о) кнѧ» указывают на отношение князя Владимира Андреевича к владениям великого князя. В договорах 1364–1365 г. и 1389 г. такие статьи¹⁰ шли сразу же за статьями о принципах сосуществования, начинавшимися оборотом «а жити ны». Очевидно, и в договоре 1372 г. было такое же построение текста. Но тогда окончание приведенной фразы можно восстановить: «кнѧ[женья держати под тобою честно и грозно]» или «кнѧ[женья держати под тобою и под твоим сыном, и под твоими детьми честно и грозно]».

В строке 4 сохранился текст, запрещавший князю Владимиру и его детям на что-то претендовать: «...ми под тобою не искати и под твоими дѣтьми, ни моимъ». В свое время С. М. Соловьев соединил

---

⁶ ДДГ. № 5. С. 19; № 11. С. 31.

⁷ Там же. № 5. С. 19.

⁸ Там же.

⁹ А. Е. Пресняков писал, что все договоры великого князя Дмитрия с Владимиром «стоят... на почве договора в. к. Симеона с братьями», что ссылка на этот договор есть в первом докончании Дмитрия с Владимиром, «та же формула и в третьем договоре; читалась бы она, конечно, и во втором, если бы сохранилось его начало» (Пресняков А. Е. Образование Великодержавного государства. С. 177). Последнее замечание историка является большим недоразумением. Второй договор Дмитрия с Владимиром не содержал ссылки на соглашение Симеона с братьями, он как раз отрицал значение этого соглашения, требуя от сторон «жити... по сеи грамотѣ», т. е. не по нормам 1348 г., а по нормам 1372 г.

¹⁰ ДДГ. № 5. С. 20; № 11. С. 31.

этот текст с текстом строки 3 и написал, что по второму договору «Владимир обязался не искать московской отчины Дмитриевой и великого княжения Владимирского не только под Дмитрием, но и под сыновьями его...»¹¹. Мысль С. М. Соловьева была повторена Л. В. Черепниным. Но даже если отвлечься от того факта, что в строке 4 отсутствует ее начало и соединять окончания строк 3 и 4 нельзя, к тому же слитый подобным образом текст дает двойное и несообразное чтение местоимения «ми», следует сказать, что таких договоренностей, о которых написали С. М. Соловьев и повторивший его Л. В. Черепнин, докончания московских князей XIV в. не знали. Удельные князья не имели никаких юридических прав покушаться ни на наследственные владения великих князей, ни на великое княжество, которое им не принадлежало. Поэтому в московских договорах даже в косвенной юридической форме никогда не фиксировались подобные претензии удельных князей, хотя возможное желание удельного князя превратиться в князя великого в соглашениях учитывалось, однако это купировалось разными условиями, например обязательством удельного князя держать вотчину великого князя и его великое княжение «честно и грозно», но не прямым запрещением «не искать». Тем не менее именно слова «не искати» сохранились в строке 4 изучаемого договора, причем, судя по контексту, объект «искания» принадлежал великому князю и со временем должен был перейти к его детям, у которых Владимир Андреевич и его дети (последнее сохранившееся слово строки 4 «моимъ» достаточно естественно дополняется словом «[детям]») также ничего не должны были «искати». Чего же именно? В первом договоре между Дмитрием и Владимиром глагол «искати» встречается только в статьях 7 и 20. Последняя статья рассматривала вопрос о претензиях одного князя к боярам другого князя: «А чего буд(е)ть искати на твоихъ богарехъ, или чего искати тобѣ на моихъ богарехъ...»¹². Статья 20 договора 1364–1365 г. разрешала иски к боярам, но текст строки 4 договора 1372 г. говорил совсем о другом, он иски запрещал. В этом отношении он был близок к статье 7 договора 1364–1365 г.: «А что мя бл(а)г(о)с(ло)вил о(те)ць мои, князь великий Иванъ, оудѣломъ дяди моего, князя великого Семеновымъ, того ти не искати, тобѣ знати свога оч(и)на, а мнѣ знати свога оч(и)на»¹³. Введение данной нормы уже в первый договор Дмитрия с Владимиром объясняется тем, что выморочное владение одного из членов московского княжеского рода должно было идти в раздел между его братьями и их наследниками. Однако отец Дмитрия Иван Красный после смерти старшего брата великого князя Симеона его владения забрал себе, выделив племяннику, князю Владимиру Андреевичу, лишь треть московских налогов и Новый городок в устье р. Протвы¹⁴. Чтобы взрослевший Владимир не потребовал себе большей доли из наследства Симеона, в договор 1364–1365 г. и была включена статья 7. Надо полагать, что именно наследие Симеона стало предметом договоренностей и в докончании 1372 г. Оно, как и ранее, закреплялось за великим князем Дмитрием, но не только за ним. Наследием должны были обладать и дети Дмитрия, а Владимир и его сыновья навсегда лишались прав на него.

С трудом поддается интерпретации текст строки 5: «...емъ и до живота, и твоимъ дѣтем. Так(о) же и тоб(ѣ), княз(ю) великому». Очевидно, что в тексте сохранилось окончание одной договорной статьи и начало другой. Первая статья могла содержать обязательство великого князя и его детей до конца жизни («до живота») соблюдать какие-то правила в отношении удельного князя. Тогда следующая статья должна была продолжить перечень того, что необходимо было соблюдать. Но возможно, что первая статья содержала некое обязательство серпуховского князя и его потомков, например служить до конца жизни великому князю и его детям. Окончание «емъ» может быть окончанием слова «[дет]емъ», как в строках 33 и 34, и тогда перед этим реконструированным словом неизбежно должно было читаться «моим», т. е. Владимира Андреевича. В таком случае следующая статья должна была

¹¹ Соловьев С. М. Сочинения. М., 1988. Кн. II. С. 283.

¹² ДДГ. № 5. С. 20.

¹³ Там же.

¹⁴ См.: Кучкин В. А. Духовные грамоты московского великого князя Ивана Ивановича Красного // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 5. С. 248–249, 253, 260–261.

налагать на великого князя какую-то обязанность по отношению к серпуховскому князю. Из-за невозможности строго реконструировать утраченный текст и из-за отсутствия параллелей в других договорных грамотах вопрос приходится оставить открытым.

Достаточно ясен текст строки 6: «...г(о)с(поди)не, дал въ оудѣль Галичь, Дмитровъ с волостями, и съ с...». Такие элементы договорных грамот, как «г(о)с(поди)не, дал», обычно сопровождаются указанием на пожалование¹⁵. Поэтому начало фразы можно восстановить: «[А что еси пожаловал]» или «[А что еси мя пожаловал]». Восстановим и конец фразы, поскольку сохранившаяся буква «с» должна начинать слово, и слово это — «с[елы]». Далее перечень мог быть продолжен и иметь такой вид, как во второй духовной грамоте 1389 г. Дмитрия Донского, где сказано, что Дмитров передается его четвертому сыну Петру «со всѣми волостями, и съ селы, и со всѣми пошлинами, и с тамгою, и с мыты, и з бортью»¹⁶. В любом случае ясно, что серпуховскому князю передавались не только города, но и административно зависевшие от них волости и села.

Объекты пожалования весьма показательны. Мать Владимира Андреевича Серпуховского Мария была дочерью Ивана Федоровича, сына галицкого (Галича Мерского) князя Федора Давыдовича. Очевидно, Галич был дан в удел князю Владимиру потому, что он являлся потомком галицких князей, хотя и по женской линии. Во второй половине XIII в. одно владельческое целое с Галичем составлял Дмитров. Прапрадед Владимира Серпуховского с материнской стороны князь Давыд Константинович владел одновременно и Дмитровом, и Галичем. В первой трети XIV в. эти центры стали независимы друг от друга, однако в 60-е годы XIV в. в Галиче княжил один из представителей дмитровской княжеской ветви¹⁷. Обладание Галичем и Дмитровом потомством Давыда Константиновича, видимо, и обусловило передачу территории Дмитрова Владимиру Андреевичу. Учитывая определенные наследственные права удельного князя, великокняжеская власть в то же время передавала ему земли, явно нуждавшиеся в хозяйственном освоении и восстановлении. Не следует забывать, что Дмитров был разорен в начале апреля 1372 г. тверским князем Михаилом Александровичем, а Галич и много позднее оставался глухим и малонаселенным краем.

В строке 7, как и в строке 5, сохранились окончание одной и начало другой договорной статьи: «...и твоим дѣтемъ под моими дѣтьми, и до живота. А добра». Вторая статья легче поддается восстановлению. Слова «А добра» начинали в договорах московских князей особую статью, полный текст которой сохранился как в первом договоре 1364–1365 г., так и в третьем договоре 1389 г. Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем: «А добра ти мнѣ хотѣти во всемъ» (статья 5)¹⁸, «А добра ти мнѣ хотѣти и моимъ дѣтемъ во все[м]» (статья 5)¹⁹. Поскольку текст статей договора 1372 г. составлялся преимущественно от лица серпуховского князя и в нем делался определенный акцент на детей договаривавшихся князей, то реконструкция может иметь следующий вид: «А добра [ми и моим детям хотети тебе и твоим детям во всем]». Как показывают аналогии, такая договоренность отражала общее положение и была трафаретной.

Другое дело окончание предшествовавшей статьи, отразившейся в строке 7. Речь, очевидно, здесь идет не об общих, а о конкретных вещах. Если под «моими дѣтьми» разумеать детей Владимира Андреевича, то смысл сильно деформированной статьи станет ясным. Она налагала на великого князя и его детей обязанность «до живота» блюсти то, что было у удельного князя и должно было быть у его будущих сыновей. А поскольку ранее, в строке 6, речь шла о новых владениях серпуховского князя, Дмитрове и Галиче, полученных им «въ оудѣль» от великого князя, то естественно думать, что в

---

¹⁵ Ср. текст статьи 12 договора 1389 г.: «[и таз] тебе пожаловал, [дал ти есми Лужу и Боровескъ]» (ДДГ. № 11. С. 31).

¹⁶ ДДГ. № 12. С. 34.

¹⁷ См.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 239, 242–246.

¹⁸ ДДГ. № 5. С. 20.

¹⁹ Там же. № 11. С. 31.

утраченном тексте строки 7 говорилось о гарантиях сохранения этих владений за Владимиром и его семьей со стороны великокняжеской власти, как в свое время и думал А. В. Экземплярский.

Взаимные обязательства сторон фиксировались также в строках 8 и 9. В строке 8 читаются слова «...до живота. А блюсти ти, г(о)с(поди)не, вотчны моее и московское». «Вотчны» — явная описка позднейшего переписчика, забывшего поставить над этим словом титло. Что касается содержания приведенной строки, то трудно понять, что именно сохранялось до конца жизни («до живота»). Неясно, и какая из договаривавшихся сторон должна была это делать. Но поскольку начало строки 8 содержало установление общего порядка (о «добре»), то логично предположить, что и далее шла статья общего характера. Именно такая статья следует за статьей о «добре» в первом договоре Дмитрия с Владимиром: «А мнѣ, князю великому, тебе, брата своѣго, держати в братствѣ, без обиды, во всемъ»²⁰. Весьма похоже, что нечто подобное читалось и в договоре 1372 г., но только не от лица великого князя, а от лица князя удельного и с добавлением слов, расширявших данную норму, распространявших ее на детей обоих князей и делавших ее постоянной — «до живота». Весьма похоже потому, что далее в строке 8 говорится именно об обязанности великого князя, но на сей раз обязанности конкретной: сохранять вотчину серпуховского князя и «московское». Если говорить о владениях Владимира Андреевича, то последнее определение может быть приложено исключительно к его московской трети — обладанию третьей частью всех московских налогов и повинностей²¹. Так следует не только по содержанию, но и по грамматическим показаниям. «Московское» стоит в родительном падеже женского рода единственного числа, и с ним согласуется слово «трети». Это слово стояло в начале строки 9. Далее, вероятно, шел перечень других владений серпуховского князя, которые должен был «блюсти» великий князь.

Договорная статья оканчивалась словами «...люсти, а не обидѣти, и твоим дѣтем», которые в строке 9 сохранились. Первое слово, бесспорно, восстанавливается как «[б]люсти». Очевидно, в договоре настойчиво повторялась эта обязанность великого князя, которая распространялась также на его детей. Другие уцелевшие слова строки 9 («А рубежь Галичу и Дми...»), где окончание последнего слова также легко реконструируется — «Дми[трову]», что продемонстрировали еще сотрудники канцлера Н. П. Румянцева) открывают начало уточняющей статьи, которая определяла размеры нового удела князя Владимира — Галича и Дмитрова. Уточнение можно было вносить, когда перед ним уже шла речь о тех же объектах. В таком случае мы имеем полное право утверждать, что договорная статья, начинавшаяся в конце строки 8 и продолжавшаяся в строке 9, указывала не только на вотчину удельного князя, не только на его московскую треть, но и на составные части полученного удела, которые обязывались сохранять великий князь и его дети.

Буквы «[трову]» («Дми[трову]») должны были читаться в начале уже следующей, 10-й, строки. Оканчивалась же строка 10 словами «...при Иванѣ и при наших отцѣхъ, при великих князѣхъ». Это отсылка к прошлому, к тому, что было по меньшей мере при отцах заключивших договор князей. Когда в средневековых княжеских договорных грамотах заходила речь о границах земельных владений, эти владения определялись не конкретно, не по географическим объектам, а по старине, по тем всем известным границам, что существовали еще во времена предков. Поэтому указания «при Иванѣ» и т. д., сохранившиеся в строке 10, должны относиться к слову «рубежь» строки 9. Подтверждения этому находим в других договорах XIV в. московских князей. Статья 19 о рубежах московско-новгородско-тверского договора 1375 г. имела следующий вид: «А рубежь ти держати с Великим Новымгородом и с Торжьком, и зъ пригород(ы), земли и воды, по старинѣ, как то было при нашем дѣдѣ, при великом кн(а)зи при Иванѣ, и при нашем дяди, при великом кн(а)зи при Семени, и при моем отци, при великом кн(а)зи при Иванѣ»²². Близкий текст содержала статья 5 о рубежах московско-рязанского

²⁰ Там же. № 5. С. 20.

²¹ Сам Владимир Андреевич в своем завещании писал о принадлежавшей ему московской трети так: «А приказываю отчину свою Москву, свою трет(ь), чѣм ма бл(а)г(о)с(л)овиль от(е)цъ мои» (ДДГ. № 17. С. 45).

²² Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 203, 341.

договора 1381 г.: «А володимерское порубеж(ь)е по тому, как то было при вашемъ дѣдѣ, при великом кн(а)зе при Иване Данилович(е), и при вашемъ дѣдѣ, при великомъ кн(а)зе при Семенѣ, и при твоёмъ ш(т)ци, при великомъ кн(а)зе при Иванѣ»²³. Статья 16 московско-тверского договора 1399 г. требовала, чтобы «рубеж Москвѣ и великому княжению, и Великому Новгороду как был при нашемъ дѣдѣ, при великомъ кн(а)зѣ(ѣ) Иванѣ Данилович(ѣ), и при великомъ кн(а)зѣ(ѣ) Семенѣ Иванович(ѣ), и при моемъ дѣдѣ, великомъ кн(а)зѣ(ѣ) Иванѣ Иванович(ѣ), и при моемъ ш(т)ци, великомъ кн(а)зѣ(ѣ) Дмитрии Иванович(ѣ)»²⁴. Статьи договоров 1375, 1381 и 1399 г. позволяют восстановить текст договора 1372 г., причем надо заметить, что в договорных грамотах XIV в., когда указывалась давность рубежей, перечислялись князья лишь московской династии, тогда как в более поздних договорных грамотах XV в. — предки двух сторон, московского князя и того, с кем заключалось соглашение²⁵. Поэтому в договоре 1372 г. едва ли были названы дмитровско-галичские князья, предки Владимира Серпуховского с материнской стороны. Упоминались только князья московские. Отсюда текст строк 9 и 10 в целом должен был выглядеть приблизительно так: «А рубежъ Галичю и Дми[трову] по тому, как то было при нашемъ деде, при великомъ князе] при Иванѣ и при нашихъ отцѣхъ, при великихъ кн(а)зѣхъ, [при великомъ князе при Иване и при князе при Андрее]». Вместо «[по тому]» могло читаться «[по старине]». Окончание статьи должно было помещаться уже в начале строки 11. Реконструируя текст, следует иметь в виду, что сохранившееся чтение «и при нашихъ отцѣхъ, при великихъ кн(а)зѣхъ» содержит явную ошибку. Отец Владимира Серпуховского, младший сын Ивана Калиты Андрей, никогда не был великим князем. Вместо «при великихъ кн(а)зѣхъ» должно было читаться «при великомъ кн(а)зи при Иванѣ», как в договорах 1375 и 1381 г., а далее идти указание на отца Владимира Андрея. По всей вероятности, копиист договора 1372 г. допустил опisku, упомянув великих князей во множественном числе вместо единственного. Но вышел ли он из положения, вновь назвав великим князем отца Дмитрия Ивана (так предложено в приведенной выше реконструкции), или сразу же после «при великихъ кн(а)зѣхъ» написал «при Иванѣ», из-за утраты текста решить невозможно. Обращает на себя внимание также то обстоятельство, что в строке 10 рассматриваемого договора отцы обоих князей упомянуты сразу же после имени общего деда Дмитрия и Владимира — Ивана Калиты. В договорах 1375, 1381 и 1399 г. в перечне московских князей наблюдается иная последовательность: после Ивана Калиты там назван его преемник на великокняжеском столе, старший сын Симеон, и лишь затем отец Дмитрия великий князь Иван Красный, что исторически совершенно точно. По-видимому, в договоре 1372 г. имя Симеона пропущено чисто механически, и это еще одно свидетельство того, что данное место договора позднейший копиист переписал явно небрежно.

О тексте в строке 11 говорилось выше, когда рассматривались упоминания в договоре 1372 г. словосочетания «великое княженье». Там же была предложена реконструкция первого и последнего слова уцелевшего текста. Исходя из статей более поздних договоров Владимира Андреевича с сыном Дмитрия Донского великим князем Василием I о возможной потере одной из сторон земельных владений («А ш(т)ци какимъ дѣломъ отоиметься от тоб[ѣ] Ржева, и дати ми тобѣ во Ржевы мѣсто П[рополч] да Медуши. А искати ны Ржевы, а тобѣ с нами с одного. А найдемъ Ржеву, и Ржева тобѣ, а волости наши намъ»²⁶ — договор 6—26 января 1390 г.; «А какими дѣлы отыметъ отъ брата моего князя Володимера или отъ его дѣтеи Городецъ или Козлескъ, и мнѣ имъ дати в Городецъ мѣсто Тошну, а в Козельска мѣсто Рожа[лово] да Боженку. А искати ны Городецъ и Козельска с одного. А б(ог)ѣ дасть, найдем, мои мѣста мнѣ, великому князю, и моимъ дѣтем, а брату моему и его дѣтемъ ихъ мѣста имъ»²⁷ — договор около 1401—1402 г.), можно в общих чертах восстановить текст

²³ Там же. С. 253, 343.

²⁴ Там же. С. 307, 346.

²⁵ См., напр.: ДДГ. № 18. С. 53.

²⁶ Там же. № 13. С. 38.

²⁷ Там же. № 16. С. 44.

всей статьи договора 1372 г.: «[А ци каким делом отоиметсѧ от тебе велико]е княженъе, а отъ мен(е) мои оудѣль, чѣмъ мѧ еси, г(о)с(поди)не, по[жаловал, а то искати ны с одного]». Возможно, далее в статье оговаривалось, как поступают стороны в том случае, если они «найдут» свои прежние владения. Однако главное заключалось в том, что, надо полагать, предусматривались совместные действия двух московских князей в случае потери своих невогочинных земель. Думается, что такая статья, рассматривавшая в сложной международной обстановке 1372 г. вопрос о возможных утратах земельных владений Дмитрием и Владимиром, заключала тот раздел договора, который обговаривал, какие владения закрепляются за каждым из договаривавшихся князей.

Далее следуют три строки, где явно говорится о владениях, поскольку указываются конкретные географические объекты. При этом названные в строке 12 Сушев и Гордошевичи фигурируют и в строке 14, там же назван и упомянутый в строке 13 Заячков. Таким образом, в строках 12–14 речь идет об одном и том же комплексе владений. Трудно лишь определить, сколько договорных статей входило в раздел, посвященный этому комплексу. Тем не менее при анализе сохранившихся окончаний строк 12–14 следует иметь в виду, что существует явная тематическая связь между ними.

Текст строки 12 называет пять географических объектов: «...ю Вышегород, Рудь с Кропивною, Сушевъ, Горд[ошеви]чи». Утраченные буквы в середине последнего слова (отсутствует кусочек бумажного листа размером в 9 мм) легко восстанавливаются на основании чтения в строке 14 рассматриваемого договора и в других московских договорах XIV в.

Один географический объект упомянут в строке 13: «...до ее живота. А по ее животѣ Заячкѡвъ мнѣ. А ци отъ».

Четыре волости названы в строке 14: «...ре волости, Гордошевич(и), Сушевъ, Гремич(и), Заячкѡвъ, аж да».

Таким образом, всего в сохранившемся тексте строк 12–14 договора 1372 г. упомянуто семь волостей. Это Вышгород, Гордошевичи, Гремичи, Заячков, Кропивна, Рудь и Сушев. Все перечисленные волости располагались в одном районе — на юго-западе Московского княжества. Волость Рудь называлась так по р. Рудь (Руть), правому притоку р. Протвы²⁸. Согласно духовной грамоте 1389 г. Дмитрия Донского рудские бортники вместе с бортниками вышегородскими, гордошевскими, кропивенскими и самой Кропивной передавались его жене великой княгине Евдокии²⁹. Очевидно, волости Рудь, Вышгород, Гордошевичи и Кропивна находились недалеко друг от друга. К волости Заячков относилось село Тарутинское³⁰, получившее широкую известность в 1812 г. Местоположение волостей Гремичи и Сушев не вполне ясно, но по той же духовной грамоте 1389 г. великого князя Дмитрия Ивановича они причислялись к так называемым отъездным волостям, административно подчинявшимся Можайску³¹. В третьем договоре Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем эти можайские «отъездные волости», по-видимому, названы «отъездными местами»³². Если говорить обобщенно, то речь идет о землях в бассейне верхнего и среднего течения р. Протвы.

Слова строки 13 «А по ее животѣ Заячкѡвъ мнѣ» указывают на то, что по меньшей мере Заячковым владела женщина. В духовной грамоте 1359 г. великого князя Ивана Ивановича указывалось: «А что за княгиню за М(а)рьею Заячкѡвъ, Заберегъ с мѣсты, то до ее живота, а по ее живот(ѣ) мои княгинѣ»³³. Имелась в виду вдова великого князя Симеона Мария Александровна. Она скончалась в 1399 г.³⁴ Следовательно, в год составления изучаемого договора Мария была жива и владела Заячковым и другими «мѣсты», под которыми, судя по более поздним источникам, разумелись различные волости

²⁸ См.: Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976. С. 95; Атлас Московской области. М., 2003. С. 109.

²⁹ ДДГ. № 12. С. 35.

³⁰ Там же. № 80. С. 315.

³¹ Там же. № 12. С. 34.

³² Там же. № 11. С. 31.

³³ Там же. № 4. С. 18.

³⁴ ПСРА. М.; Л., 1949. Т. XXV. С. 228.

в бассейне р. Протвы. Поэтому первую букву в строке 12 «ю» можно дополнить буквами «[Марье]» («[Марье]ю») и восстановить примерное начало статьи: «[А что волости за княгинею за Марье]ю». В основном эти волости должны были сохраняться в пожизненном владении вдовой великой княгини, но после ее смерти Заячков должен был отойти к Владимиру Андреевичу, как свидетельствует текст строки 13 договора 1372 г. Это не было нарушением процитированного выше распоряжения завещания Ивана Красного о передаче земель Марии его жене Александре. Александра умерла в конце 1364 г.³⁵, и будущее владений Марии оказалось неопределенным. Договор 1372 г. вносил в это будущее некоторую ясность.

Окончание строки 13 («а ци отъ») данного договора может быть восстановлено по А. Е. Преснякову: «а ци отъ[имется]» или «[имутся]». Заключенные в квадратные скобки буквы читались уже в начале строки 14. Там же перед сохранившимися буквами «ре» должны были стоять буквы «[четы]». Между этими восстановленными буквами строки 14 вряд ли могла поместиться целая договорная статья. Поэтому упоминание в строке 14 четырех волостей, в том числе Заячкова, на который претендовал князь Владимир, следует связывать с условием каких-то земельных потерь (что-то «отъ[имется]»). В этом случае удельный серпуховской князь должен был получить наряду с Заячковым еще три волости. Однако, о каких возможных земельных потерях говорилось в договоре и как следует продолжить последние слова строки 14 («аж да»), приходится лишь гадать.

Текст строки 15 («...пожалуетъ нас б(ог)ъ, найдемъ тоб(ѣ), княз(ю) великому, великое») всегда оценивался как свидетельство отсутствия у великого князя Дмитрия великого княжения. Этим исследователи и ограничивались. Между тем соседство той договорной статьи, от которой уцелела часть текста в строке 15, с предшествовавшими статьями, в которых рассматривались вопросы сохранения владений за заключившими договор Дмитрием и Владимиром и раздела владений в будущем, в частности после смерти вдовы Симеона великой княгини Марии, заставляет думать, что и в строке 15 продолжалась фиксация тех же проблем. Предугадывалось возвращение всего великого княжения великому князю Дмитрию Ивановичу, и в связи с этим что-то должно было отойти и к князю Владимиру. Поэтому начало фразы можно восстановить как «[А] пожалуетъ нас б(ог)ъ» или «[А ци] пожалуетъ нас б(ог)ъ». Как показала процитированная ранее летописная запись о московско-тверском мире начала 1374 г., тверской князь «со княжения съ великаго намѣстники свои свель», и это были наместники в Торжке. Скорее всего, составители докончания 1372 г., говоря о великом княжении, которое должно было быть возвращено великому князю Дмитрию, имели в виду прежде всего новоторжские земли. А в новоторжских землях несколько более позднее летописное свидетельство фиксирует принадлежавшее серпуховскому князю село Теребенское³⁶. Попало в руки Владимира это село позже 1372 г. Данное обстоятельство наталкивает на мысль, что в договоре 1372 г. в статье на строке 15 предусматривалось возвращение Дмитрию великокняжеских новоторжских земель и наделение Владимира какими-то селами или волостями (губами) в Торжке. Редакционно это должно было выглядеть так. После конечного слова «великое» строки 15 словом «[княжение]» начиналась строка 16, затем говорилось, что именно при «нахождении» великого княжения должен был получить Владимир Андреевич, а далее конкретизировалось то, что отходило к Дмитрию Ивановичу: «...зю великом(у), брату моему старѣшему. А что переже сего». Во всяком случае, читающиеся слова в строке 16 «...зю великом(у), брату моему старѣшему» (первые две буквы легко дополняются буквами «[кня]») стоят в дательном падеже, что может указывать на принадлежность Дмитрию каких-то владений.

Последние слова строки 16 «А что переже сего» явно имеют в виду нечто конкретное в прошлом. В строке 17 это нечто конкретное несколько проясняется: «...емьшьль, в Растовець, в Козловъ Бродъ, тѣмъ ма [ес]и». Продолжение фразы словом «[пожаловал]» представляется вполне естественным.

³⁵ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 78.

³⁶ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 157. Следует также отметить, что в 1382 г. при нашествии Тохтамыша мать и жена Владимира Серпуховского спасались от татар в Торжке. См.: НПА. С. 378.

Несложно правильно восстановить и начало фразы — «[в Пер]емьшль», поскольку именно это название фигурирует в одном сочетании с Ростовцем и Козловым Бродом в договорных грамотах московских князей конца XIV в. В целом, сохранившийся текст дает понять, что раньше («переже сего») было что-то, что изменилось. Изменилось потому, что великий князь пожаловал князя удельного. Пожалование касалось трех волостей: Перемышля, Ростовца и Козлова Брода.

Разъяснение содержится в статье 14 третьего договора Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем. Там есть припоминание о старине и недавнем прошлом: «А что ти с^а есмь был ^итступи л дани в Ростовцѣ и в Перемьшлѣ, а на то ны слати свои данцики вмѣстѣ, какъ было при нашем дѣдѣ, при великом кн^ази, и при наших о(т)цѣхъ»³⁷. Выясняется, что раньше великий князь Дмитрий уступил сбор дани с Ростовца и Перемышля Владимиру Серпуховскому, но в 1389 г. отобрал назад свою уступку и восстановил старую норму. Стало быть, за окончанием строки 16 «а что переже сего» в договоре 1372 г. следовало описание того, что было «при нашем дѣдѣ... и при наших о(т)цѣхъ» — одновременная посылка данщиков великого и удельного князей в три волости. Именно в три, а не в две, поскольку статья 16 договора 1389 г. гласила, что «на Козловъ Бродъ слати ти своего данщика, тѣмъ ты есмь пожаловал»³⁸. До пожалования серпуховской князь не мог посылать в Козлов Брод только своего данщика. Что касается пожалования, о котором говорится в строках 17 и 18 договора 1372 г., то оно состояло в передаче дани не только с Козлова Брода, но и с Перемышля и Ростовца целиком в руки удельного князя. Это подчеркивает глагол «отъступил» в строке 18. Поэтому требование «данщиковъ ти, г(о)с(поди)не, своих в та мѣста не слати», заканчивающее строку 18, по смыслу увязывается с предыдущим текстом в строках 16 и 17, где фиксировалось исключительное право Владимира Андреевича на сбор дани в Перемышле, Ростовце и Козлове Броде.

Текст строки 19 заканчивает одну договорную статью и начинает другую: «...ликоз(о), а моему с ним. А в численных люд(е)хъ, тоб(ѣ), кн^аз(ю) вели...». Первая статья обговаривала равные права заключивших соглашение князей. Слова «моему с ним» означали, что представители обоих князей действовали вместе. Поскольку выше речь шла о данщиках, есть основание полагать, что в строке 19 эта речь была продолжена, стороны договаривались, что удельный князь посылает своего данщика вместе с великокняжеским. Но, если от каждого князя посылался только один данщик, а не данщики, это указывает на то, что дань собиралась в каком-то одном месте. В первом договоре 1364–1365 г. Дмитрия и Владимира из всех мест, куда двоюродные братья вместе посылали своих данщиков, была специально выделена волость Бели³⁹. Поэтому допустимо, что договор 1372 г. в утраченном начале строки 19 повторял норму прежнего соглашения Дмитрия с Владимиром.

Окончание той же строки касается уже не дани, а положения особой категории княжеских людей — числяков. Наличие оборота «А в численных люд(е)хъ» подсказывает, что в договоре 1372 г. речь шла о разделе этих людей между князьями. В своем последнем завещании Дмитрий Донской упоминал «численных люд(и)и моих двою жеребевъ»⁴⁰. В свою очередь Владимир Андреевич в своей духовной грамоте называл «трет(ѣ) численных своих людей»⁴¹. Очевидно, в 1372 г. было закреплено разделение числяков между двоюродными братьями. Великий князь получил две части, удельный князь — одну. Словесно в договоре 1372 г. это могло быть выражено так: «тоб(ѣ), кн^аз(ю) вели[кому два жеребья, а мне треть]»⁴². Далее могло следовать взаимное обязательство «численных людии блюсти ны с одиноз(о)», которое есть как в первом договоре Дмитрия с Владимиром⁴³, так и в их последнем соглашении⁴⁴.

³⁷ ДДГ. № 11. С. 31.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. № 5. С. 20.

⁴⁰ Там же. № 12. С. 33.

⁴¹ Там же. № 17. С. 46.

⁴² Ср. статью 17 договора 1389 г.: «А оже ны б(ог)ъ избавит, ослободит от Орды, ино мнѣ два жеребья, а тебѣ треть». См.: Там же. № 11. С. 31.

⁴³ Там же. № 5. С. 20.

⁴⁴ Там же. № 11. С. 31.

Текст строки 20 («...дѣлюи, а тѣ[м] знати своѧ служба, ка[к] было при...») тематически явно примыкал к тексту на строке 19, т. к. указывал на еще одну категорию княжеских людей — делюев, обеспечивавших охрану отвозимой из Руси в Орду дани⁴⁵. Делюи упоминаются как в первом договоре Дмитрия с Владимиром, так и в их третьем договоре в статьях, сформулированных совершенно одинаково: «А что наши ординци и делюи, а тѣмъ знати своѧ служба, како было при нашихъ о(т)цѣхъ»⁴⁶. Сохранившийся текст строки 20 договора 1372 г. точно соответствует текстам договоров 1364—1365 г. и 1389 г. Есть все основания считать, что и утраченные в договоре 1372 г. слова также соответствовали сохранившимся текстам. Поэтому данное место полностью восстанавливается на основании других договоров Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем, как и поступили издатели 1813 г., без всяких оговорок включив тексты этих договоров в опубликованный ими текст второго докончания названных князей.

Очень труден для интерпретации текст строки 21: «...ѣх в московских и во княгининѣ оудѣлѣ въ Оульганинѣ(ѣ)». «Московских» — скорее всего, определение к слову «станах» или «варях», «переварах». Во-первых, судя по упоминанию «оудѣла», речь идет о территориях, а московскими считались не волости, а станы, вари, перевары. Во-вторых, в строке 24 читается «и съ становѣ, и изо княгинина оудѣла Оульганина», где указание на станы как раз предшествует указанию на удел Ульяны. В-третьих, окончание «ѣх» может относиться только к слову «станы». Но в связи с чем названы московские станы и удел вдовы Ивана Калиты великой княгини Ульяны? Принимая во внимание, что ранее в строках 19 и 20 речь шла о различных категориях княжеских людей, можно думать, что и в строке 21 говорилось о таких же людях, проживавших в разных местах Московского княжества. В договоре 1364—1365 г. специальная статья была посвящена слугам под дворским и черным людям: «А которыи слуги потагли къ дворьскому, а черныи люди къ сотникомъ, тыхъ ны въ службу не приимати, но блюсти ны ихъ с одного»⁴⁷. Подобная статья есть и в договоре 1389 г.: «А которыи слугы к дворьскому, а черныи люд(и) къ становцику, тыхъ въ службу не приимати, а блюсти ны ихъ с одино(о), а земля ихъ не купити»⁴⁸. Если первое и третье докончания Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича включали статьи о слугах под дворским и черных людях, то было бы странным, если бы в их втором договоре такая статья была снята. С другой стороны, в остатках текста договорной грамоты 1372 г. нет иного подходящего места, где могла быть выражена эта норма. По-видимому, в строках 21 и 22 как раз и говорилось о положении этих категорий княжеских людей, причем стороны обязывались, как и раньше, «блюсти ны ихъ с одного».

Это последнее требование хорошо согласуется с начальными уцелевшими словами строки 22: «...кож и нашим дѣтемъ. А коли, г(о)с(поди)не, имемъ слати данщици». Первое слово дополняется буквами «[та]» («[та]кож»). Ясно, что определенная норма распространялась не только на заключивших договор князей, но и на их детей. Норме придавалось важное значение, ее действие проецировалось на будущее, на потомков Дмитрия и Владимира, и состояла эта норма в охране непосредственных производителей, без которых княжеское хозяйство не могло существовать.

Текст другой договорной статьи, отразившейся в строке 22, о посылке обоими князьями данщиков, судя по некоторым аналогиям в договорах 1364—1365 г. («А ко[ли] ми буд(е)тъ слати свои данщики в город и на перевары, и которыи волости за княгинею за Ульганию, и в Бѣли, а тобѣ свои данщики слати с моими данщики вмѣстѣ»⁴⁹ — статья 13) и 1389 г. («А коли иму слати [сво]и данщикы в город и въ станы, а тобѣ слати [свои данщики с мой]ми вмѣстѣ»⁵⁰ — статья 13), должен был содержать

⁴⁵ См.: Добродомов И. Г., Кучкин В. А. Делюи средневековой Руси // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. М., 2000. С. 98.

⁴⁶ ДДГ. № 5. С. 20; № 11. С. 31.

⁴⁷ Там же. № 5. С. 20. В тексте оригинала дважды повторено слово «ихъ».

⁴⁸ Там же. № 11. С. 31.

⁴⁹ Там же. № 5. С. 20.

⁵⁰ Там же. № 11. С. 31.

указания на Москву, перевары (станы), удел княгини Ульяны. Данщики, естественно, посылались для сбора дани, и в утраченном тексте договора 1372 г. говорилось, что следовало делать с этой данью. Речь могла идти или о месте хранения собранной дани, например в казне одного только великого князя, как того требовала статья 15 договора 1389 г.⁵¹, или о делении этой дани (при благоприятных внешнеполитических обстоятельствах) между заключившими в 1372 г. докончание князьями, как постановляла статья 17 соглашения 1389 г.⁵²

Именно о делении свидетельствует текст строки 23: «...оудѣль Оульанинъ, тоб(ѣ), кнѣз(ю) великому, два жеребѣа, а мѣ». Окончание данной фразы, написанное уже в начале строки 24, восстанавливается без особого труда — «мѣ[не треть]». Говоря отвлеченно, такой текст может указывать или на деление взятой с удела великой княгини Ульяны дани, или на территориальное деление самого удела. Поскольку в предшествовавшей строке 22 речь идет о данщиках, и о дани, как в этом можно будет убедиться ниже, говорится далее в строке 24, необходимо заключить, что двоюродные братья договорились о делении между собой дани, собиравшейся с удела Ульяны.

В строке 24 сохранилась часть одной договорной статьи: «...и с город(а), и съ становѣ, и изо кнѣгинина оудѣла Оульанина». Предлоги «с», «изо» указывают на какое-то взимание с различных пунктов и земель. Судя по всему, взималась дань. В этом случае самым близким к анализируемому тексту оказывается текст статьи 15 договора Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем 1389 г.: «А что н(а)ши данщик(и) сберуть в городѣ, и въ станѣх, и въ варѣхъ, тому ити в мою казну, а мнѣ давати въ выход»⁵³. Видимо, в строке 24 и в начале строки 25 речь шла о месте хранения дани, совместно собираемой данщиками обоих князей. Дань поступала в казну великого князя. В таком случае в строке 22 говорилось о делении между Дмитрием и Владимиром собиравшейся совместно дани.

Текст, уцелевший в строке 25, указывает на то, что тема дани не была закрыта предыдущими договоренностями. В этой строке сохранились слова «...ти, г(о)с(поди)не, будетъ взѣти дань на своеи вотч(и)нѣ и на вел[ико]м [к]нѣженъи». Это уже иной аспект сбора дани. Статья договора 1372 г., которая включала приведенный текст, рассматривала случай, когда дань взималась с территории, принадлежавшей только великому князю, и только великокняжескими данщиками. По логике вещей, ответные действия Владимира Андреевича заключались в сборе дани со своей вотчины и со своего удела.

Далее в договоре 1372 г. рассматривались частные вопросы взимания дани с вотчины и великого княжения Дмитрия Ивановича и с вотчины и удела Владимира Андреевича.

В строке 26 сохранился текст, поддающийся однозначному пониманию. В нем речь идет о боярах удельного князя Владимира Андреевича, живших на территории московских владений и/или великого княжения Дмитрия Ивановича и обязанных платить ему дань. Как уже отмечалось, такая норма отразилась также в статье 37 договора 1389 г. («А хто иметь жити твоихъ богарѣ въ моемъ оудѣлѣ и въ великомъ кнѣженъи, а тѣхъ намѣ блюсти, какъ и своихъ, и дан(ь) взѣти, какъ и на своихъ»⁵⁴) и в статье 28 договора 1390 г. между Владимиром Серпуховским и великим князем Василием Дмитриевичем («А хто живеть твоихъ богарѣ в нашихъ оудѣлѣхъ и въ отчинѣ, в великомъ кнѣженъи, а тыхъ] ны блю[сти какъ] и своихъ, а дань взѣти, какъ и на своихъ»⁵⁵).

Текст строки 27 явно продолжал тему сбора дани: «...му молотшему, кнѣз(ю) Володимеру, коли ми будетъ взѣ». Последние три буквы следует дополнить буквами «[ти]» — «взѣ[ти]».оборот «коли... взѣти» встречается в тех статьях договорных грамот, где речь идет об экстраординарных сборах дани с самых знатных представителей общества. Так, в статье 38 третьего договора великого

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 32.

⁵⁵ Там же. № 13. С. 39.

князя Дмитрия с Владимиром Андреевичем указывалось, что «а коли ми взати дан(ь) на своихъ богарѣхъ на большихъ и на путныхъ, тогда ти взати на своихъ так(о) же по кормленью и по путемъ да дати ти мнѣ...»⁵⁶. Та же в принципе норма зафиксирована в статье 33 договора 1390 г. великого князя Василия Дмитриевича с тем же Владимиром Андреевичем: «А коли намъ взати на своихъ богарехъ на путныхъ, и тобѣ взати на своихъ богарехъ на десяти»⁵⁷. Несомненно, что такая же норма нашла отражение и в договоре 1372 г. Вопрос только в том, кто скрывался под словом «ми» сохранившегося текста этого договора. В «Собрании государственных грамот и договоров» начало строки 27 представлено как «Такоже и мнѣ, брату твоему молотшему князю Володимеру»⁵⁸, что не оставляет сомнений в том, что речь идет о серпуховском князе. Однако это реставрация издателей XIX в., основанная на обороте, читающемся в строке 31: «...е и мнѣ, брату твоему молодшему», где первая буква «е» легко дополняется буквами «[також]». Характерно, однако, что в строке 31 нет имени Владимира, хотя прямо говорится о нем (точно такие же обороты сохранились и в строках 35 и 37), тогда как в строке 27 удельный князь почему-то назван по имени. Это, казалось бы, небольшое отличие указывает на то, что текст договорной статьи, отразившейся в строке 27, был составлен от лица великого князя. К тому же инициатива в сборе экстраординарной дани должна была исходить не от удельного, а от великого князя, и именно он разумелся в обороте «коли ми будетъ вз[ати]».

Сохранившийся текст в строке 28 («...[тв]оихъ богарѣ в моеи вотч(и)нѣ и въ оудѣлѣ, или ихъ села, взати») перекликается с текстом строки 26, свидетельствующим о сборе великим князем дани с бояр удельного князя, проживавших в вотчинных владениях и великом княжении Дмитрия или имевших там села. В строке 28 названы вотчина и удел, а такими терминами определялись владения Владимира Андреевича. Очевидно, в строке 28 отразилась параллельная приведенной выше договорная статья, которая тоже предусматривала сбор дани, но удельным князем с бояр великого князя, живших на удельных землях.

Текст, уцелевший в строках 29–32, явно относился к довольно определенному разделу договора и говорил о тождественных обоюдных обязательствах договаривавшихся князей. Анализировать этот текст надо в его совокупности, а не только построчно. Приведем окончания указанных четырех строк: «...А въ вотч(и)ну ти, г(о)с(поди)не, в мою и в вудѣл данщиковъ ти своихъ» (строка 29), «...овальныхъ не давати, ни закладнии ти не держати, ни сель ти» (строка 30), «...е и мнѣ, брату твоему молодшему, въ вотч(и)ну въ твою и въ» (строка 31), «...и приставовъ, ни закладнии ми не держати, ни грамотъ» (строка 32). Такие обороты остатков договорных статей, как «ни закладнии ти не держати» (строка 30) и «ни закладнии ми не держати» (строка 32), свидетельствуют о том, что речь идет об идентичных обязательствах сторон, причем сначала в договоре 1372 г. говорилось об обязательствах великого князя, а затем об обязательствах князя удельного. Перечень этих обязательств приведен в первом и третьем договорах Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем. В договоре 1364–1365 г. в статье 14 указывалось, что «въ твои ми оудѣл данщиковъ своихъ и приставовъ не всылати. Тако же и тобѣ в мои оудѣл данщиковъ своихъ, ни приставовъ не всылати, ни во все моѣ великоѣ княженьѣ»; по статье 11 запрещалось «тобѣ, брату моѣму молодшему, в моѣмъ оудѣлѣ сель ти не купи[ти, ни тво]имъ богаромъ, ни закладневъ ти, ни оброчниковъ не держати. Тако же и мнѣ в твоємъ оу[д]ѣлѣ сель не купити, ни моимъ богаромъ, ни закладневъ ми, ни оброчниковъ не держати»; статья 26 распространяла запрет на выдачу жалованных грамот в чужих владениях: «А въ твои ми оудѣл грамотъ жалованныхъ не давати. Тако же и тобѣ в мои оудѣл и во все моѣ великоѣ княженьѣ не давати своихъ грамотъ»⁵⁹. Схожими были постановления и договора 1389 г.: «А въ твои ми оудѣл данщиковъ своихъ, ни пристав[о]въ своихъ не всылати, тако же и тобѣ, и во все в мое великое княженьѣ, ни грамотъ не

⁵⁶ Там же. № 11. С. 32.

⁵⁷ Там же. № 13. С. 39.

⁵⁸ СГГ и Д. Ч. I. № 29. С. 50.

⁵⁹ ДДГ. № 5. С. 20–21.

давати, ни зак[л]аднии не держати» (статья 24), «А сель ти не купити в моемь оудѣлѣ, ни въ великом кнѣ[жень]и ни твоимь дѣтем, ни твоимь богаром» (статья 32), «Так(о) же и мнѣ, и моимь дѣтемъ, и моимь богаром сель не купити въ твоемь оудѣл(ѣ)»⁶⁰ (статья 34). Эти параллели позволяют частично восполнить утраченные места договора 1372 г. Так, текст в строке 29 «данщиковъ ти своих» может быть продолжен словами «[не всылати]», которые начинали строку 30. В этой строке перед словами «...овальных не давати» должно было читаться «[грамот жал]», а в конце после слов «ни сель ти» — слова «[не купити]». В строке 31 перед первой уцелевшей буквой «е» явно читались буквы «[тако ж]», а после слов «и въ» — «[великое княженье]». В строке 32 перед первой буквой «и» стояла буква «[н]», а после заключительных слов «ни грамотъ» читалось «[не давати]». Сохранившиеся в строке 33 слова «...ѣтемъ, ни моимь богаром», первое из которых дополняется буквой «[д]» («[д]ѣтемъ»), соответствуют заключительным словам статьи 32 договора 1389 г. и, по всей видимости, говорят о том же — о запрещении детям Владимира Андреевича и его боярам покупать села во владениях великого князя Дмитрия.

В целом, положения раздела договора 1372 г., прописанные на строках 29–32 и отчасти 33 его копии, решали экономические и правовые вопросы, касавшиеся владений договаривавшихся князей — вотчины и великого княжения Дмитрия Ивановича, вотчины и удела Владимира Андреевича⁶¹. Сторонам запрещалось покупать села в землях друг друга, держать там зависимых людей — закладников, раздавать жалованные грамоты, посылать туда представителей собственной власти — данщиков и приставов.

Строка 33 кончается словами «А тоб(ѣ), кнѣз(ю) великому, держа...». Последние буквы дополняются буквами «[ти]» — «держа[ти]».оборот «кнѣзю... держати» обозначал отношение одного князя к другому, в данном случае — великого князя к удельному. Это отношение было зафиксировано еще в первом договоре Дмитрия и Владимира: «А мнѣ, кнѣзю великому, тебе, брата свогго, держати в братствѣ, без обиды, во всемь»⁶² (статья 6). Очевидно, та же норма была закреплена и во втором договоре тех же князей. Она относилась уже к другому разделу договора, посвященному политическим взаимоотношениям договаривавшихся сторон.

В строке 34 сохранился текст, который говорил не о владениях двоюродных братьев, а о линиях поведения одного князя и его семьи по отношению к другому: «...дѣтем моихъ дѣти во всемь. А тоб(ѣ), кнѣзю великому, и тво...». Окончание первой фразы явно деформировано. Вместо «дѣти» должно было бы читаться «дѣт[е]и», согласуемое со словом «моихъ». Смысл договорной статьи, остатки которой уцелели, был обращен в будущее, поскольку в момент составления договора у Владимира Серпуховского детей не было. Как же надо было в будущем относиться к детям удельного князя сыновьям князя великого? Скорее всего, так же, как относился Дмитрий к Владимиру, т. е. «держати в братствѣ, без обиды, во всемь», что было утверждено в их договоре 1364–1365 г. Любопытно, что слова «во всемь» сохранились и в строке 34 договора 1372 г. В целом же текст всей статьи о взаимоотношениях детей двух князей может быть восстановлен примерно в таком виде: «[Тако же держати в братстве, без обиды твоим] дѣтем моихъ дѣт[е]и во всемь».

Сложнее выяснить, какую статью открывало обращение «А тоб(ѣ), кнѣзю великому», сохраненное в той же строке 34. Определенную подсказку содержит текст следующей, 35-й, строки: «... мнѣ,

⁶⁰ Там же. № 11. С. 31–32.

⁶¹ Л. В. Черепнин писал о том, что во втором договоре Дмитрия с Владимиром «совокупность владений удельного князя Владимира Андреевича обозначается термином “вотчина и удел”... Тем же двойным термином (“вотчина и удел”) пользуется изучаемая докончательная грамота и для обозначения владений Дмитрия Ивановича, отличая их от великого княжения» (Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М.; Л., 1948. Ч. I. С. 37). Л. В. Черепнин основывался на издании грамоты в «Собрании государственных грамот и договоров», где слова строки 31 «въ вотч(и)ну въ твою и въ» были продолжены словом «удѣл». См.: СГГД. М., 1813. Ч. I. С. 50. Однако это ошибочная реконструкция. Владения великого князя в договоре 1372 г. постоянно обозначались как «вотчина и великое княжение», а владения удельного князя — как «вотчина и удел».

⁶² ДДГ. № 5. С. 20.

брату твоему молодшему, и моимъ дѣтем без те...». По смыслу, князь Владимир и его дети должны были действовать или не действовать без чего-то или без кого-то. Предлог «без» в княжеских договорных грамотах встречается достаточно редко. Но одно положение договорных грамот включает этот предлог обязательно. Речь идет о внешнеполитической деятельности князей. В первом договоре 1364—1365 г. Дмитрия и Владимира этому посвящена статья 9: «А тобѣ, брату моѣму молодшему, без мене не док[а]нчивати, ни съсылат[ис]а ни с кѣм же. Тако же и мнѣ безъ тебе»⁶³, а также статья 9 в их третьем договоре 1389 г.: «А тобѣ, брату моему моло[дш]ему и моему сыну, без [ме]не и без моихъ дѣтии не канчивати ни с кѣм же, а мнѣ бес тебе»⁶⁴. Последние буквы в строке 35 «те» на основании приведенных параллелей легко восстанавливаются в целое слово — «те[бе]». Следовательно, по тексту в строке 35 удельному князю Владимиру и его детям запрещалось с кем-либо заключать соглашения или договариваться без участия великого князя и, возможно, его детей. Но такому требованию должно было предшествовать аналогичное требование к великому князю. Поэтому окончание строки 34 надо рассматривать как начало статьи о единстве внешнеполитических действий договаривавшихся князей.

Строка 36 оканчивается следующими словами: «...и ми тоб(ѣ), брату своему старѣшему, княз(ю) великому, таже». Сохранившийся текст позволяет понять, что удельный князь должен был по отношению к великому князю поступить так же, как великий князь по отношению к нему. Речь идет о равных нормах поведения, и с этой точки зрения сильно попорченная статья договора 1372 г. ничего исключительного собой не представляла, она фиксировала давнее требование, предъявляемое князьями друг к другу. В более раннем договоре 1364—1365 г. Дмитрия и Владимира после статьи о запрещении сепаратных соглашений следовала статья 10 об информации: «А что ти слышавъ о мнѣ от кр(е)стьянина ли, от поганина ли, о моѣмъ добрѣ или о лисѣ, или о нашей оч(и)нѣ, и о всѣхъ кр(е)стьянехъ, то ти мнѣ повѣдати в правду, без примышления, по целованью. А мнѣ тако же тебе повѣдати»⁶⁵. Такая же статья есть и в договоре между этими князьями от 25 марта 1389 г., но оформленная более лаконично: «А что ти [слыш]евъ о мнѣ и о моихъ дѣтехъ от кр(е)стьянина или от по[ганина, то ти нам повѣдати] въ правду»⁶⁶. По аналогии с первым договором Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем можно думать, что и во втором договоре тех же князей вслед за статьей о запрещении сепаратных переговоров шла статья об обоюдной информации. Во всяком случае, основной смысл сохранившегося в строке 36 текста не противоречит такому заключению.

Уцелевший текст в строке 37 («...у без ослушанья. А ци б(ог)ъ розмыслить о с(ы)ну о твоём, о братѣ») определенным образом связан с текстом в строке 38: «...ис твоих болшии, того ми держати братом старѣшим и служи...». Связь эта смысловая. В строке 37 говорится о возможной смерти старшего сына великого князя, а в строке 38 от удельного князя требуется признание следующего по возрасту сына великого князя «братом старейшим» и служение ему. Очевидно, что и в строке 37 говорилось о службе удельного князя. Действительно, слова «без ослушанья» встречаются именно в тех статьях княжеских договоров, в которых рассматриваются вопросы службы. В статье 32 договора 1364—1365 г. это было сформулировано в следующем виде: «А тобѣ, брату моѣму молодшему, мнѣ служити безъ ослушанья, по згадцѣ, како буд(е)тъ мнѣ слично и тобѣ, брату моѣму молодшему, а мнѣ тебе кормити по твоѣи службѣ»⁶⁷. Статья 6 договора 1389 г. требовала того же от серпуховского князя в более категоричной форме: «[А служити ти мнѣ б]езъ ослушанья»⁶⁸. Очевидно, что в строках 37 и 38 докончания 1372 г. речь шла о службе удельного князя не только великому князю Дмитрию, но и его преемникам, которые могли быть только из числа его сыновей. Текст в указанных строках

---

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. № 11. С. 31.

⁶⁵ Там же. № 5. С. 20.

⁶⁶ Там же. № 11. С. 31.

⁶⁷ Там же. № 5. С. 21.

⁶⁸ Там же. № 11. С. 31.

можно восстановить примерно в таком виде: «[А служити мне тебе, брату моему старейшем]у без ослушанья. А ци б(ог)ъ розмыслить о с(ы)ну о твоём, о братѣ [старейшем о князе Василии, и кто из сынов] ис твоих болшии, того ми держати братом старѣишим и служи[ти ему]».

В тексте последней, 39-й, строки продолжалось обсуждение возможных грядущих ситуаций: «...мнѣ, брату моему молодшему, печаловатис(а) тв». Об ошибочном написании «моему» вместо «твоему» говорилось ранее. Глагол «печаловатис(а)» употреблялся в договорных грамотах достаточно редко. Так, в dokonчании великого князя Василия Дмитриевича со своим братом Юрием он встречается в статье 6: «А менѣ ти жаловати и печаловатис(а) мною и моею вотчиною»⁶⁹. Здесь великий князь обязывался награждать своего брата и заботиться о нем. Чаще глагол «печаловатис(а)» употреблялся тогда, когда речь в соглашениях шла о потере князя-главы семьи и заботе о его наследниках. В частности, в договоре великого князя Симеона с братьями Иваном и Андреем на великого князя возлагалась обязанность, «[ко]го из нас б(ог)ъ отъведет, печаловати[ся княгинею его и] дѣтми как при ж[ивотѣ], так и по жив[отѣ], а не [обидѣти тобѣ, ни] имати ничего ото княгини и отъ дѣтии, чимъ ны [кого благословилъ отецъ нашъ по ро]здѣлу»⁷⁰. В договоре 1399 г. между Тверью и Москвой стороны договаривались о том, что если «шт(ъ)имет б(ог)ъ которо(о) шт нас, и вам, брат(е), печаловатис(а) нашим(и) кнегинам(и) и нашими дѣтми по живот(ѣ) по нашем»⁷¹. Во втором договоре великого князя Василия Дмитриевича с Владимиром Серпуховским было записано: «А отоимет б(ог)ъ брата моего, князя Володимера, и мнѣ, князю великому, и моим дѣтем под его княгинею и под его дѣтми трети ихъ московскыѣ, и их вотчины, и тѣх мѣсть, которых сѣ есмь отъступил в вудѣль и в вотчину, того ми и моим дѣтем под ними блюсти, и боронити, и печаловатис(а), а не обидѣти, ни вступатис(а)»⁷². В строке 39 рассматриваемого договора 1372 г. говорилось о печаловании не великого князя, а удельного. Статья об этой обязанности серпуховского князя могла иметь такой вид: «[А отоимет бог тебя, отца моего великого князя Дмитрия, и] мнѣ, брату [тв]оюму молодшему, печаловатис(а) тв[ою княгинею и твоими детьми]». Возможно, что такой статье предшествовала другая, аналогичного содержания, но где «печаловатис(а)» о семье Владимира должен был великий князь. Само включение в договор статьи о «печаловании» удельного князя (или статей об обоюдном «печаловании») свидетельствует о том, что dokonчание составлялось в беспокойное время. И это согласуется с выведенной ранее датой оформления соглашения — июнь 1372 г., когда против московских князей готовилась большая война их западными соседями.

Рассмотрение уцелевших остатков текста договора 1372 г. между великим князем Дмитрием и удельным князем Владимиром Серпуховским не обнаруживает следов таких достаточно типичных для внутридинастийных московских договоров XIV в. установлений, как договоренность об общих союзниках и общих врагах, о московских судах и судопроизводстве, о боярской вольности, об организации военной службы, о решении споров между князьями и их боярами, нет заключительной статьи о целовании креста договорившимися князьями. Скорее всего, такие установления не сохранились из-за механической утраты текста.

Тем не менее то, что сохранилось, указывает на крайне важное значение договора 1372 г. во взаимоотношениях Дмитрия и Владимира, великокняжеской и удельнокняжеской властей в Московском великом княжестве XIV в. По соглашению 1372 г. серпуховский князь Владимир Андреевич получил от великого князя Дмитрия Ивановича два в недавнем прошлом самостоятельных княжества — Дмитровское и Галичское. В будущем ему была предназначена волость Заячков, а в случае каких-то земельных потерь — компенсация в виде не только Заячкова, но и еще трех соседних с ним волостей. Судя по всему, Владимиру были обещаны владения в Торжке. Возросли финансовые прерогативы и

⁶⁹ Там же. № 14. С. 40.

⁷⁰ Там же. № 2. С. 12.

⁷¹ Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 347.

⁷² ДДГ. № 16. С. 43–44.

возможности серпуховского князя. Он получил право на самостоятельный сбор дани в Перемышле, Растовце, Козлове Броде. Ранее в сборе там дани принимали участие данщики великого князя. Теперь действовали только данщики князя серпуховского. Ордынская дань, которую платили, по-видимому, числяки, была разделена. Две ее трети закреплялись за великим князем, одна треть — за удельным. В той же пропорции делилась дань с удела княгини Ульяны. Очевидно, что за Владимиром признавалась доля в уделах вдовых московских великих княгинь. Из удела вдовы Симеона Гордого он должен был получить Заячков, а при особых обстоятельствах — еще три волости.

Чем были вызваны такие уступки со стороны великокняжеской власти? В договоре 1364—1365 г. Дмитрий за верную, «безъ ослушанья», службу двоюродного брата обязывался его «кормити по твоки службѣ». Как же проявил себя Владимир в период между заключением первого и второго договоров с великим князем, т. е. в 1364—1372 г.? В 1366 г. серпуховский князь принял участие в строительстве каменного московского кремля, резко усилившего обороноспособность Москвы. Весной 1368 г. Владимир, которому тогда не исполнилось и 15 лет, сумел захватить у литовцев Ржеву, стратегически важную крепость на стыке границ Твери, Смоленска и Новгорода. Осенью того же года он оборонял Москву от нападения литовского великого князя Ольгерда. Полк Владимира, возглавляемый Акинфом Шубой, выступил навстречу литовцам, но был разбит. Сам князь Владимир вместе с великим князем Дмитрием сел в осаду в Москве и выдержал все попытки Ольгерда овладеть городом. В 1369 г. по договоренности с Дмитрием Владимир едет в Новгород Великий, пытаясь прекратить войну Пскова и Новгорода с немцами и склонить новгородцев к тесному союзу с Москвой. Во время второго похода Ольгерда на Москву в ноябре—декабре 1370 г. серпуховский князь стоял ратью в Перемышле (на р. Моче), на границе своего удела с московскими землями. Угроза флангового удара заставила литовского великого князя ускорить отход от Москвы. В апреле 1371 г. Владимир вместе с Дмитрием в Переяславле Залесском преградил путь во Владимирское великое княжество Михаилу Александровичу Тверскому, привезшему из Орды ярлык на великое княжение. Летом того же года Владимир в отсутствие отправившегося к Мамаю Дмитрия принял активное участие в переговорах с приехавшими в Москву литовскими послами⁷³. Служба князя Владимира за все время до 1372 г. была «безъ ослушанья», а достойного «кормленья» за нее не было. Женитьба Владимира на дочери Ольгерда увеличила политический вес серпуховского князя. Невыполнение московской великокняжеской властью достигнутых договоренностей могло обернуться для нее настоящей бедой, удельный князь мог искать поддержки у могущественного тестя, который как раз стремился использовать своих зятьев в собственных политических интересах⁷⁴. После крупных неудач весны—лета 1372 г., в преддверии новой войны с Ольгердом и его союзниками великий князь Дмитрий решился пойти на кардинальное улучшение своих отношений с двоюродным братом, сделав его значительно более заинтересованным в проведении общей московской политики.

Впрочем, кардинальное улучшение было трезвым и расчетливым. Владимиру передавались территории Дмитрова и Галича, на которые он и так мог претендовать как родственник некогда правивших там князей. Дмитров к тому же сильно пострадал от тверичей. Владимиру были обещаны земли в районе р. Протвы и, по-видимому, в Торжке. Поскольку по Протве в начале 70-х годов XIV в. лежали рязанские земли, в частности город Боровск, распространение владений серпуховского князя на юго-западных окраинах Московского княжества обостряло его отношения с Рязанью. А появление сел или волостей Владимира на территории Торжка затрагивало интересы Твери и Новгорода Великого. В результате при определенных обстоятельствах серпуховский князь мог столкнуться с целым рядом могущественных противников. Владимир Андреевич получил право один собирать дань с Перемышля

---

⁷³ Кучкин В. А. Сподвижник Дмитрия Донского // Вопросы истории. 1979. № 8. С. 108—110.

⁷⁴ Своих зятьев князя Бориса Нижегородского и князя Ивана Новосильского Ольгерд сделал своими сторонниками и союзниками (см.: Памятники древнерусского канонического права (памятники XI—XV в.) // РИБ. 2-е изд. СПб., 1908. Т. VI. Ч. 1. Приложения. Стб. 136).

и Растовца, но то были волости, принадлежавшие еще его отцу⁷⁵ и входившие в вотчину самого Владимира⁷⁶. Третья волость, Козлов Брод, находилась в той же пограничной зоне с Рязанью, что Заячков и соседние с ним места⁷⁷.

Что же получал от второго соглашения с серпуховским князем великий князь Дмитрий? Отдавая в руки Владимира некоторые земли и денежные сборы, обещая двоюродному брату участие в разделе владений вдовых великих княгинь московского дома, Дмитрий выговаривал себе вечные права на владения великого князя Симеона, их общего с Владимиром дяди. В договоре 1372 г. эти владения и владения отца Дмитрия Ивана объявлялись единой вотчиной великого князя. В договоре же 1364–1365 г. они преимущественно назывались еще уделом Дмитрия. Вотчина и завоеванное в 1363 г. великое княжество Владимирское должны были навечно оставаться в руках Дмитрия и его сыновей. Возросла политическая значимость великого князя. Теперь «брат младший» Владимир должен был считать его «отцом». Наследовать великокняжеский стол мог только сын Дмитрия Василий, которого новый зять великого князя литовского признавал своим «братом старейшим». В случае смерти Василия стол должен был перейти к следующему по возрасту его брату. Семья серпуховского князя отсекалась не только от владения большей частью Москвы и Московского княжества, от обладания великим княжеством Владимирским, но и от политического руководства московским княжеским домом, хотя после смерти Дмитрия Владимир превращался в старшего по возрасту князя в этом доме.

Тем не менее достигнутый компромисс оказался выгоден и той, и другой стороне. Владимир укрепил и расширил свой экономический потенциал, что позволило ему начать летом 1374 г. реорганизацию своих вотчинных владений, основав город Серпухов, который быстро стал важным административным, военным, торговым и ремесленным центром на средней Оке. Вопреки утверждениям Л. В. Черепнина, не обустройство вотчинного гнезда удельного князя вызвало появление его второго договора с великим князем Дмитрием, а заключение договора способствовало преобразованиям в древней серпуховской земле. Что касается великого князя, то он нашел в поощренном и ободренном перспективами двоюродном брате верного и надежного союзника, с помощью которого были достигнуты главные успехи в собирании Руси и ослаблены тяжелые промахи дальнейшего 17-летнего правления Дмитрия Донского. Вплоть до последнего года жизни великого князя Дмитрия договор 1372 г. оставался главным документом, определявшим отношения князей внутри московского дома.

---

⁷⁵ ДДГ. № 1. С. 7, 9.

⁷⁶ Там же. № 16. С. 47.

⁷⁷ Козлов Брод относился к лужским («лужовским») волостям, расположенным по правому притоку Протвы р. Луже, протекавшей недалеко от р. Рудь. См.: Там же. № 16. С. 47, 49.